ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2026. Том 19. Выпуск 3 | 2026. Volume 19. Issue 3
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Деятельность региональных властей и иностранных организаций по устранению голода на Дону в 1921-1922 гг.: от историографии к новым источникам

Кальниченко В. Н.

Аннотация. Цель исследования – проанализировать деятельность региональной советской власти и международных организаций по устранению голода на Дону и установить эффективность проводимых мероприятий в 1921-1922 гг. В статье рассматривается актуальная в отечественной историографии проблема голода Поволжья, охватившего приволжские земли, Дон и Кавказ в 1921-1922 гг. Вместе с тем представленный в работе историографический обзор показывает, что в исторической науке новейшего периода сложилось несколько тенденций в изучении голода, притом что заявленная проблематика не получила существенного развития. Автором решается задача описания последовательности организуемых мероприятий региональной советской властью и иностранной миссией на Дону и установления результативности этих мер в указанный хронологический период. Научная новизна исследования состоит в использовании оригинальных архивных документов, извлеченных из Государственного архива Ростовской области, эвристический потенциал которых сложно переоценить. Более того, данные источники с высокой долей вероятности позволяют сказать, что с осени 1921 г. – весны 1922 гг. были созданы краевые и региональные комиссии помощи голодающим, которые вели активную агитационно-пропагандистскую работу по привлечению общественности и негосударственных организаций по борьбе с голодом. В это же время региональные власти сформируют основной перечень мероприятий, в итоге будут достигнуты некоторые результаты. Однако полученные с пожертвований денежные средства, вещевые и продуктовые ресурсы, вероятно, будут распределены не в пользу местных голодающих. Притом, что положение в нескольких станицах, слободах и хуторах по левобережью и правобережью Дона было катастрофическим. Стало также известно, что помощь иностранных организаций прибыла на Дон не ранее середины 1922 г. Результаты настоящей работы показывают, что в российской исторической науке получили развитие различные сюжеты, связанные с регионами Поволжья, положение же донских голодающих недостаточно изучено. Введение в научный оборот новых источников позволило раскрыть основной перечень мероприятий, разработанных комиссией Донпомгола/Донпоследгола, описать план и результаты деятельности региональных властей, охарактеризовать положение в регионе во время голода и определить эффективность привлечения помощи иностранных организаций. После создания краевых и региональных комиссий Помгола на Юго-Востоке России осенью 1921 г. постепенно оформляется централизованная система распределения финансовых средств, направляемых на преодоление текущих обстоятельств, а также в регионах самостоятельно составляются планы предотвращения голода. Значительный результат в данном направлении был достигнут в ходе агитационно-пропагандистских мероприятий по привлечению общественности и негосударственных организаций, однако собранные пожертвования осенью 1921 г. – весной 1922 г., вероятно, не были направлены на помощь голодающим Дона. Ситуация осложнялась из-за неблагоприятных погодных условий, эпидемий, значительного сокращения площадей для посева, отсутствия действительной помощи особо пострадавшим районам, что стало причиной гибели нескольких десятков тысяч людей и скотины в сельской местности по левобережью и правобережью Дона. Привлечение иностранной миссии помощи местным голодающим стало возможным лишь с середины 1922 г. В период лета – зимы 1922 г. им удалось наладить систему питания в столовых для детей и взрослых в городской местности и обеспечить медикаментозную помощь, превосходя в количественных показателях деятельность региональных властей.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20260180

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

EN

Activities of regional authorities and foreign organizations in eliminating the famine in the Don region in 1921-1922: from historiography to new sources

V. N. Kalnichenko

Abstract. The aim of the research is to analyze the activities of the regional Soviet authorities and international organizations in eliminating the famine in the Don region and to establish the effectiveness of the measures carried out in 1921-1922. The article examines the problem of the Volga famine, which swept the Volga lands, the Don, and the Caucasus in 1921-1922, an issue relevant to domestic historiography. At the same time, the historiographical review presented in the paper shows that several trends have developed in contemporary historical science regarding the study of the famine, although the stated problem has not received significant development. The author solves the task of describing the sequence of measures organized by the regional Soviet authorities and the foreign mission in the Don region and establishing the effectiveness of these measures during the specified chronological period. The scientific novelty of the research lies in the use of original archival documents extracted from the State Archive of Rostov Region, the heuristic potential of which can hardly be overestimated. Moreover, these sources make it possible to state with a high degree of probability that from the autumn of 1921 to the spring of 1922, provincial and regional commissions for famine relief were established, which conducted active agitation and propaganda work to engage the public and non-governmental organizations in the fight against famine. At the same time, the regional authorities formed a main list of measures, ultimately achieving certain results. However, the financial funds, clothing, and food resources received from donations were likely distributed not in favor of the local starving population. This occurred despite the fact that the situation in several small and large villages, and farmsteads along the left and right banks of the Don was catastrophic. It also became known that assistance from foreign organizations arrived in the Don region no earlier than the middle of 1922. The results of the present work show that while various storylines related to the Volga regions have developed in Russian historical science, the situation of the starving population in the Don region remains insufficiently studied. The introduction of new sources into scientific discourse made it possible to reveal the main list of measures developed by the Donpomgol/Donposledgol commission, describe the plan and results of the regional authorities' activities, characterize the situation in the region during the famine, and determine the effectiveness of enlisting help from foreign organizations. Following the creation of provincial and regional Pomgol commissions in the South-East of Russia in the autumn of 1921, a centralized system for distributing financial resources aimed at overcoming current circumstances was gradually formed, and plans for famine prevention were independently drawn up in the regions. A significant result in this direction was achieved during agitation and propaganda events to engage the public and non-governmental organizations; however, the donations collected in the autumn of 1921 – spring of 1922 were likely not directed towards assisting the starving population of the Don region. The situation was complicated by unfavorable weather conditions, epidemics, a significant reduction in crop areas, and the lack of effective aid to severely affected areas, which caused the death of several tens of thousands of people and livestock in rural areas along the left and right banks of the Don. Enlisting a foreign mission for local famine relief became possible only from the middle of 1922. During the period from summer to winter 1922, they managed to establish a system of feeding in canteens for children and adults in urban areas and provide medical assistance, surpassing the activities of regional authorities in quantitative indicators.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в новейшей отечественной историографии, несмотря на внушительное количество публикаций, относящихся к проблеме голода в начале 1920-х гг., обозначенная тема, с одной стороны, не нашла должного исследовательского внимания, с другой стороны, привлечение новых архивных документов позволяет представить данную проблематику несколько в иной акцентировке. Впрочем, еще не завершившаяся Гражданская война в России имела свое продолжение не столько в противоборстве различных политических сил (хотя и это не является исключением), сколько в набирающем обороты хаосе, следовавшем в результате установления диктатуры голода в 1921 г. Масштабы трагедии по-прежнему становятся предметом пристального внимания академического сообщества. Ученые установили, что с 1921-1922 гг. потери в Советской России составили от 5,2-5,5 млн взрослых и детей (Кондрашин, 2024, с. 365). В данных событиях широкое распространение имела вынужденная миграция населения. Так, А. Федотова отмечает, что в сентябре 1921 г. руководство Татарской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР) в срочном порядке направило 5 % взрослого голодающего населения в «города Брянск, Гомель, Донецкий угольный бассейн, Нижегородская, Владимирская губернии, Сибирь, Туркестан» (2016, с. 71). Однако сама перевозка голодающих была организована поспешно и без надлежащего

учета физического состояния пострадавших. Экстремальность подобного положения была непосредственно связана с тем, что советское руководство не сразу серьезно отнеслось к ухудшающемуся сельскохозяйственному кризису в стране, определению фактического положения в земледельческих регионах, продолжая концентрироваться на реализации международных интересов.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

– проанализировать и охарактеризовать советскую, российскую историографию на предмет изученности проблемы голода Поволжья и положения на Дону в 1921-1922 гг.;

– описать последовательность проводимых мероприятий региональной советской властью и иностранными организациями на Дону в 1921-1922 гг.;

– дать общую характеристику человеческих потерь, оскудение посева и гибели скота на Дону в 1921-1922 гг.

– установить результативность оказания мер региональными советскими органами власти и иностранной гуманитарной миссией в регионе в 1921-1922 гг.

Методология настоящего исследования базируется на общенаучных и специально-исторических методах: описания, анализа, дедукции и компаративистики. На основе метода описания и анализа нам удалось проследить последовательность, проводимых мероприятий региональной советской властью по преодолению голода и иностранными организациями, установив результативность оказываемой ими помощи на Дону. Дедуктивный метод использовался нами для раскрытия последовательности действий помощи голодающим на Юго-Востоке России и определения взаимосвязи региональных властей в Донской, Кубано-Черноморской областях и Горской республике.

Историко-сравнительный (компаративистский) метод позволил не только провести сравнение между советской историографией и современными исследованиями в отечественной исторической мысли, выделив несколько тенденций в новейших публикациях российских авторов, но и прийти к выводу о том, что миссия иностранных организаций на Дону была несколько более эффективна в количественном выражении, нежели деятельность региональных властей.

Материалом для исследования послужили архивные документы (10 единиц), извлеченные из фонда Р-1772 «Донской комиссии содействия восстановлению сельского хозяйства и предупреждению голода Донкомсодсельхоз (ДКССХ)» Государственного архива Ростовской области (ГАРО), большая часть из представленных источников нигде ранее не публиковалась, кроме того, при верификации источников, используемых исследователями, установлена их оригинальность. В данном исследовании мы привлекаем разные по виду источники: протоколы заседаний Крайисполкома и облисполкома помощи голодающим, переписку центральных и региональных властей, дела по округам, доклады об организации Донпомгола, регистрационные карточки «Волжских переселенцев» и документы иностранных организаций. Исследование также основывается на богатом историографическом анализе (40 единиц), в результате чего удалось определить актуальные векторы в развитии проблемы голода Поволжья в советской и новейшей историографии, показать недостаточную изученность темы на примере Дона, дав общую характеристику существующих тенденций в исторической науке новейшего периода.

Теоретическую базу исследования составляют работы советских и российских ученых. Выбранный нами маршрут, позволяет показать, с одной стороны, преемственность тематической проблематики (с учетом советской историографии). С другой стороны, можно утверждать, что в новейшей отечественной историографии в значительной степени расширилось не только проблемное поле исследований в результате развития архивной эвристики, но и определены новые направления исследований. Примечательно, что советская историография проблемы голода стала оформляться в первые годы его существования, однако зачастую эти сочинения имели справочный характер об экономическом положении страны, голод рассматривался в контексте Гражданской войны, священнослужители выступали в роли антисоветских представителей (Радек, 1921; Антонов-Овсеенко, 1922; Корсаков, 1922; Зиман, 1925; Горев, 1922; Зорин, 1922). В целом в довоенный период сложится однозначная позиция об отрицательной роли империалистической войны, политических просчетах царского правительства и духовенства (Кандидов, 1932).

В послевоенное время исследователи обратились уже к иным сюжетам, центральное место в которых заняли зарубежные организации. По-прежнему считалось, что участие иностранной миссии помощи голодающим в РСФСР было вызвано, прежде всего, заговором против большевиков и попытками вывести их за пределы политического олимпа (Рубинштейн, 1947; Коган, 1949; Городничий, 1968; Поляков, 1975; Белокопытов, 1976; Хенкин, 1988). Подобные оценки представлены в обобщенной публикации В. А. Полякова (2009).

Впрочем, в постсоветской историографии произошли значительные изменения в изучении проблемы, в результате чего сложилось несколько основных тенденций в отечественной науке. Первая тенденция характеризуется выявлением причин (прямых и косвенных) возникновения и развития «Царь-голода», определением эффективности советских институтов в создании условий преодоления голодного кризиса в стране, локализации поступления иностранной помощи голодающим и взаимодействию с советскими органами власти. Вторая тенденция представляет проблему голода 1921 г. в контексте кампании по изъятию церковных ценностей 1922 г. Рассмотрим каждую из них.

Одним из крупнейших на сегодняшний день исследований проблемы голода в России в 1921-1922 гг. является монография В. Ф. Зимы (2015). Ученому удалось установить причины голода, которые характеризовались провальной и неосмотрительной хозяйственно-экономической политикой большевиков в период Гражданской войны. Автор считал, что в результате политики продразверстки был создан запасной фонд, направленность

которого в случае голода формально должна была быть адресована населению, однако фактически отвечала внешнеполитическим интересам государства, а подобные действия ускорили развитие массового голода. Подобной позиции придерживаются известные советско-российские ученые В. А. Поляков (2019), В. В. Кондрашин (2021). Например, в одной из глав монографии В. В. Кондрашина (2021) обозначены обстоятельства голода, проанализированы потери и дана общая оценка деятельности иностранных организаций. В исследовании автор выделяет объективные и субъективные причины трагедии. К субъективным причинам он относил ослабление крестьянского хозяйства в результате Первой мировой и Гражданской войн, а также вследствие сильнейшей засухи (Кондрашин, 2024, с. 354). Объективные же причины, по его мнению, выражались в аграрной политике большевиков (отсутствие запасов для посева). Виктор Викторович обратил внимание также на действия международных организаций, в результате которых «были спасены по меньшей мере 3,5 млн чел.» (Кондрашин, 2024, с. 361). Однако, обращаясь к статистическим подсчетам пострадавших во время голода, российские ученые считают, что следует учитывать демографическое положение в стране до Гражданской войны, во время и после нее (Жиромская, 2012, с. 41-46; Кондрашин, 2021; Виноградов, 2011 и др.). А. И. Репинецкий и Г. Г. Циденков (2025) среди причин высокой смертности вначале 1920-х гг. указывают эпидемии, получившие развитие в Гражданскую войну.

Далеко не последнее место в отечественной историографии занимает проблема эвакуации населения советскими организациями в пострадавшие регионы страны, их взаимодействие с зарубежными миссиями и оценка высшего партийного руководства их действий. Например, в публикациях Ю. Ю. Аншаковой (2012) и В. А. Погромского (2016) проанализирована деятельность Американской администрации помощи (АРА), получившая развитие в Самарской и Царицынской губерниях. В исследовании Н. В. Усманова (2020a) рассматривается проблема отношения советского правительства и лично В. И. Ленина с АРА. В данной публикации выявляются границы полномочий иностранной организации, решается вопрос о допуске непосредственных участников деятельности по преодолению голода (Усманов, 2020a). Автор заметил, что, несмотря на полное недоверие советского руководства к американской миссии, в сущности, к 1922-1923 гг. ситуация несколько изменилась и отражала уже положительный настрой. Н. В. Усманов представил также позитивную оценку взаимодействия советских органов власти (в т. ч. чекистов) в Казани и членов АРА, что на самом деле в параметре отношений администраций (на примере других регионов) было редкостью (Усманов, 2020b).

Исследование Г. Г. Циденкова (2023a) посвящено эвакуации детей из Поволжья в «благоприятные» регионы (Сибирь, Туркестан, Западная Украина) в 1921-1923 гг. Автор убедительно показал, что сотрудники линейного отдела «Центрэвака» осуществили колоссальную работу по улучшению условий приема переселенцев и отправления их в места временного пребывания (Циденков, 2023b). Г. Г. Циденков (2023c) также проанализировал голландскую гуманитарную деятельность «Красного Креста Нидерландов», «Амстердамского Интернационала», «Организации международной рабочей помощи», «Меннонитов», осуществлявших помощь в Поволжье, Уфимской губернии и восточных губерниях Украины. Не обошел вниманием ученый и участие католической миссии Ватикана, которая охватывала территории Ростова-на-Дону, Краснодара и Москвы.

Всесторонне проблема участия Американской администрации помощи представлена в монографии Б. Патенода (2024). В данном исследовании американский ученый не только показал филантропическую миссию, которую осуществляли иностранные общественные организации (в частности, АРА, миссия Нансена), но и опроверг многочисленные мифы о заинтересованности американского правительства в борьбе с большевизмом (шпионаж, вербовка). Кроме того, автор справедливо заметил, что голод стал инструментом сведения счетов советской власти с политическими оппонентами (духовенство, интеллигенция, «кулаки» и прочие представители враждебных классов).

Так, Ф. Н. Козлов (2012), исследовавший проблему государственно-церковных отношений в Чувашии и Марийском крае в 1921-1922 гг., обратил внимание на противоречивые действия большевиков, которые на первоначальном этапе борьбы с голодом пресекали всевозможную общественно-независимую помощь, включая участие в этом Церкви. Автор также отмечает, что «за благородной и привлекательной вывеской большевиков укрывались чисто практические посылы», развернувшиеся в ходе кампании по изъятию церковных ценностей в регионе, а достигнутые результаты разнились с предполагаемыми показателями (Козлов, 2012, с. 151-152). Данный тезис представляет вторую тенденцию, сложившуюся в отечественной исторической мысли. Сторонники такого подхода рассматривают голод 1921-1922 гг. как один из инструментов дискредитации советской властью своих политических оппонентов (Сорокин, 2024, с. 345-350; Шкаровский, 2022; Петров, 2023). Подобный сюжет на примере Донской области представлен в работе А. В. Шадриной и Л. В. Табунщиковой (2013). Тем не менее аспект кампании по изъятию церковных ценностей самостоятельно рассматриваться в настоящем исследовании не будет.

Из представленного историографического обзора видно, что тема голода по-прежнему является актуальной в отечественной и зарубежной историографии, однако представлена она неравномерно в региональном пространстве. Прежде всего речь идет об отсутствии специальных исследований, характеризующих общее положение голодающих на территории Юго-Востока России (в его состав входила Донская область), о мероприятиях, проводимых советской властью и негосударственными организациями, практиках транспортировки и численности голодающих, неизвестна деятельность иностранных организаций; часть заявленных задач будет раскрыта в настоящей работе.

При этом нельзя не отметить вклад региональных ученых в изучение проблемы голода на Дону (Савицкая, Сатарова, 2017; Сатарова, 2018; Krinko, Skorik, Shadrina, 2020). Так, в коллективной монографии «Донские

казаки в СССР» (2020) проблема голода вначале 1920-х гг. осталась на периферии внимания исследователей. Авторы указали лишь причины голода (Гражданская война, продразверстка) и описали случаи употребления в пищу кошек и собак, не исключая практику каннибализма (на примере верхне-донских станиц) (Донские казаки в СССР, 2022, с. 28-29). Без особых подробностей коснулся этой темы В. Ф. Зима (2015, с. 166), подчеркнув лишь сложнейшую ситуацию в донском регионе.

Следовательно, в отечественной историографии сложилось несколько тенденций в освещении проблемы голода 1921-1922 гг. Наиболее масштабно представлена первая тенденция, согласно которой развитие получили сюжеты определения причинно-следственной связи возникновения голода в Поволжье и в приволжских регионах, установлены статистические показатели людских потерь, уточнены механизмы регулирования эвакуации пострадавшего населения в благоприятные районы РСФСР. Не меньшее внимание российских и зарубежных ученых уделяется участию иностранных организаций, ведущее место в которых по-прежнему занимает деятельность американской миссии, не исключая помощь и других иностранных организаций, осуществляющих миссию в пострадавших регионах. Вторая историографическая тенденция выражена в публикациях о «Царь-голоде» в контексте государственно-конфессиональных отношений и антицерковной политики советской власти в ходе кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 г.

Практическая значимость исследования заключается в применении материалов публикации в учебных программах по истории России и регионоведению, включении в историографические подборки для работы на семинарских занятиях, а также в привлечении исследователей к проведению более детального анализа демографической проблематики на примере Донского региона.

Обсуждение и результаты

Советская власть утвердилась окончательно на Дону в 1920 г., а в Поволжье по-прежнему еще были слышны отзвуки лихолетья. Обострялась ситуация в регионах за счет недовольных крестьянских хозяйств, у которых не осталось запасов зерна, а посевные площади были истощены Гражданской войной и природными катаклизмами. В результате этих причин стихия голода устанавливает свою диктатуру на территории Поволжья, Дона и Кавказа. Начиная с середины 1921 г. советское руководство создает Центральную комиссию помощи (ЦКПомгол) во ВЦИК, образуя на местах губернские и областные комиссии Помощи голодающим при исполкомах Советов, основная функция которых заключалась в получении, подсчете и распределении предметов первой необходимости (притом что денежные средства поступали в финотдел). Штабквартира Донпомгола находилась в г. Ростов-на-Дону (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 1, л. 4).

5 августа 1921 г. состоялось заседание Президиума Краевой комиссии, на котором обсуждались вопросы о помощи голодающим в Поволжье, о привлечении общественности Дона к участию и «о внутри краевом переселении и перегоне скота в связи с неурожаем и голодом» (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 1, л. 1). Далеко не последнее место на заседании отводилось агитационной работе по борьбе с голодом. Для этого необходимо было «использовать живую газету в краевом масштабе», привлекая также к этой деятельности всевозможные средства (плакаты, брошюры, листовки) (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 1, л. 3). Обращаясь к региональной общественности, комиссия постепенно привлекает и ведомственные структуры: части Красной армии к участию в кампании. Так, к 17 сентября председателю «ПУСКВО» следовало разработать инструкцию, согласно которой в объявленную «Неделю Помощи» необходимо было собрать пожертвования и направить в единый центр распределения (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 1, л. 5).

Спустя месяц с момента образования комиссии Донпомгола оформляется план основных мероприятий, направленных на информирование населения о проблеме голода и привлечение жителей региона к участию в его преодолении. Примечательно, что практика централизованного распределения только устанавливается, в это же время нередко действует система натурального обмена между населенными пунктами по принципу один ресурс на другой. Например, представители калмыцкого народа предложили любопытный ход. На нужды населения «Б-Дербетского уезда» (Больше-Дербетовский улус) они предложили обменять добытую соль, которая им полагалась в виде заработной платы, на продукты питания (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 1, 4, л. 8). Подобная практика осуществлялась в станице Мечетинской Сальского округа, где весь заготовленный жмых предоставлялся местным голодающим (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 1, л. 9).

В октябре 1921 г. на территории Юго-Востока России, включавшей Донскую, Кубано-Черноморскую область и Горскую республику (Клейтман, 2016, с. 89), ситуация начинает обостряться; вызвано это было неконтролируемыми процессами переселения пострадавших жителей Поволжья на Дон и Кавказ. Напомним, что эвакуация населения должна была осуществиться в «благоприятные регионы» проживания, где положение с голодом было менее катастрофичным. Однако уже 1 октября сообщается, что в «Горской республике» находится уже до 15 тысяч переселенцев и это превышает все возможные показатели. Впрочем, в скорейшем порядке на заседании краевой комиссии данный вопрос обсуждается и принимается решение о передаче сообщения «во все голодающие губернии с указанием на неблагополучное положение Юга-Востока с подтверждением невозможности принять в пределы его переселенцев» (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 4, л. 7). Следовательно, неконтролируемое движение пострадавших от голода вынудили краевую власть выступить с публичным заявлением о недопустимости продолжения поступления граждан. Однако миграционный поток остановить было практически невозможно, а усугубляло ситуацию в регионе, с одной стороны, неполнота исчерпывающих данных о действительном положении в республике и отсутствие решительных действиях

местных властей. С другой стороны, между эвакуационными центрами и выбранными регионами для отправления пострадавшего населения не существовало прямой связи, в результате чего области столкнулись с бесконтрольной миграцией населения (причем вне возрастных ограничений).

Следует отметить, что в анализируемой делопроизводственной документации округов Донской области отсутствуют сведения о причинах переселения, социальном, религиозном, национальном составе пострадавших, их местожительстве. Эти сведения находятся в регистрационных карточках «Волжских переселенцев», эвристический потенциал которых сложно переоценить (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 3; ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 4). На основе полученных данных из этих документов нам удалось установить географию прибывающего населения и определить причины их миграции. Преимущественно это были жители Саратовской (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 3, л. 2, 4) и Казанской губерний (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 4, л. 5, 16). Реже из Царицынской и Воронежской губерний (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 4, л. 1). Причины переселения специально не были указаны, однако сведения о хозяйстве и членах семьи (умершие и оставшиеся на родине) позволяют утверждать, что основной причиной их отправления в «благоприятные губернии» была не смерть членов семьи (хотя и это имело место), а собственное безвыходное хозяйственно-экономическое состояние.

В результате развивающегося хаоса в регионе комиссия Помощи голодающим в октябре 1921 г. принимает решение о расходовании средств из Краевого фонда Горской республики в размере 50% на местные нужды комиссии Помгола, а также задействовании еще около 300 миллионов рублей, перераспределив их на счета Донской и Кубано-Черноморской комиссий (100 и 200 млн руб. соответственно). Часть средств предполагалось направить на создание врачебных пунктов и отделений питания на станциях для переселенцев (эвакопункты) (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 1, л. 7). В это же время в ходе организации помощи на «местах» не обошлось без проблем. На очередном заседании Юго-Восточной краевой комиссии 4 ноября принимается решение об отправке в Москву и предании суду «Уполномоченного Центроэвака на Кавказе» за несвоевременный запрос кредита на содержание городка для беженцев. К данному разбирательству был привлечен и инспектор эвакуационного центра (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 1, л. 8). Имели место и позитивные результаты в деятельности региональных властей. Так, 19 ноября 1921 г. на одном из заседаний отмечалось, что комиссия Помгола Кубано-Черноморской области проявила максимальную энергию в оказании помощи голодающим (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 1, л. 9). Впрочем, положение в областях еще долго будет нестабильным.

В докладе Донской областной комиссия сообщалось, что в период с 10 августа по 25 ноября 1921 г. было собрано пожертвований на сумму 1 749 607 466 рублей (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 2, л. 7). Израсходовано: 345 872 311 рублей (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 2, л. 7 об). Данные средства были потрачены на возмещение займа (в 100 млн рублей) и «списаны в доход казны за отчисления с патентного сбора», была также выплачена зарплата Уполномоченному Самарской губернии в размере 100 000 рублей и переведено в ЦК Помгол – 244 473 311 рублей (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 2, л. 7-7 об). Данные показатели даже с учетом развивающейся инфляции отражают весьма высокие значения, что может свидетельствовать об эффективности пропагандистской деятельности региональных властей в деле сбора пожертвований в пользу голодающих. Кроме этого, постепенно складывается централизованная система помощи в денежном, золотом и ювелирном виде, продуктах, одежде и всех бытовых необходимостях. К этим мероприятиям также привлекаются негосударственные учреждения: «…от Союза Охотников в. № 8 битой птицы 21 ф. <…> От распредбазы квит № 9 Муки 12 п. 09 ф. Соли 22 ф. Сахарного песку 10½ ф. Кофе 5½ ф. Мыла 22 к» и т. д. (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 5, л. 5 об.).

Помимо конкретных показателей об отчислениях в фонд помощи голодающим в период с 1 августа 1921 г. по январь 1922 г. в Первом Донском округе Комиссией проводилась активная агитационная программа по сбору пожертвований в денежном и продуктовом эквиваленте с использованием периодической печати. В результате этого осуществлялись отчисления с продажи газет, спектаклей, концертов и лекций. Деятельность региональных властей получила положительный исход. Сообщалось, что за этот период было собрано в денежном выражении и передано в Окружной финансовый отдел: 24 901 508 рублей 40 копеек, в продуктах – 715 пудов 24 фунта, «в вес коего входит зерно, мука, капуста, тыква и др. овощи». Впрочем, не стали исключением пожертвования гражданским населением из своих хозяйств мелкого рогатого скота – 8 голов, птицы 3 шт., яиц 170 шт., соли 7 пуд. 13 фунт. (120,5 кг), шерсти 2 пуд. 3 фунта (34,1 кг). Также было собрано 13 пар носков, 1 пара рукавиц и 1 шапка (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 34, л. 3).

В данном описании представляет особый интерес то, что региональные советские органы планомерно проводили разностороннюю агитационную программу по привлечению населения к участию в пожертвованиях, однако положение в Донской области было совершенно удручающим, особенно в правобережной (в Цимлянской, Константиновской, Раздорской станицах) и левобережной стороне Дона (Семикаракорской станице). При этом собранные средства на данном этапе назначения в указанные локации не поступили. Более того, система распределения собранных пожертвований до сих пор невыяснена.

В конце 1921 г. на заседаниях Комиссии все чаще озвучивается необходимость в составлении плана на весенний период 1922 г. На Кавказе ставилась задача засева «ярового клина» и расширения площадей засева кукурузы. В свою очередь, в станице Мечетинской производилась закупка зернопродуктов с Украины за счет «75-ти ноганов» (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 1, л. 7). План работы Черкасской окружной комиссии Помощи голодающим состоял из 5 пунктов и включал следующий порядок мероприятий. П. 1 гласил: «…провести ликвидацию общественного питания в столовых за счет Помгола», оставив лишь содержание беспризорников. Согласно п. 2, нуждающихся в жилищном вопросе детей следовало определить в детские дома, «взяв один из них на свое содержание»; п. 3 требовал от комиссии денежного снабжения АРА в Новочеркасске. Последние два пункта (п. 4, 5) касались

решения вопроса по инвентарю разорившихся хозяйств, способах его возмещения и оказания им помощи (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 8, л. 7). Особое внимание по-прежнему уделялось получению средств со стороны общественных и профсоюзных организаций, к коим относились «Зимний театр», кафе «Чашка чаю», «оптовый склад виноградных вин» и т. д. (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 8, л. 7). Отличительной чертой от планируемых и реализуемых действий в 1922 г. являлась практика решения проблем не столько за счет внутренних операций, сколько за счет средств международных кредитов в «золотых рублях» (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 8, л. 26 об.).

Впрочем, с некоторой уверенностью можно утверждать, что тот комплекс действий, который был создан в середине 1921 г. – начале 1922 г. имел свои положительные результаты, несмотря на то, что в октябре – ноябре 1921 г. ситуация выходила из-под контроля из-за прибывающих пострадавших из других регионов страны. Кроме того, вышеизложенный план найдет свое отражение и в других округах области, но предположение членов окружной комиссии о существенном изменении социально-экономического вопроса в регионе будет разительно отличаться от реального положения. Собранные же пожертвования не найдут локального применения там, где помощь была жизненно необходима.

Следует помнить, что общее положение в донском регионе ухудшала неблагоприятная эпидемиологическая ситуация: «…зимой 21 года эпидемии тифов, повторявшиеся также весною 22 года и к тому начавшаяся весною 22 года эпидемия холеры» (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 7, л. 15). По сведениям Народного комиссариата Земледелия РСФСР, в Донском областном земледельческом управлении площадь посева сократилась в период 1917-1922 гг. с 1 108 085 до 712 549 десятин земли. Количество тяглового скота – с 346 247 до 180 329 голов (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 7, л. 26). По округам наблюдалась еще более сложная обстановка, которая выражалась в массовой гибели скота и людей. В Первом Донском округе сообщалось, что в 1922 г. планировалось засеять 140 468 десятин яровых, вместо этого было засеяно только 20 836. Более того, отмечалось, что наиболее пострадавшее от голода население встречалось по левому берегу Дона в станицах Раздорской, Кочетовской, Семикаракорской, Золотаревской. Первые два населенных пункта находились на правом берегу реки. В антропологическом измерении состояние было ужасным. В частности, «в ст. Семикаракорской в 21 году насчитывалось 6293 чел., в 22 году осталось 2842, в Орловской в 21 г. было 3915 чел. осталось в 22 г. 2225, на хуторе Курмоярском Цымлянской вол. (станица Нижне-Курмоярская, станица Цимлянская. – *В. К.*) из 286 чел. голодающих умерло 180 <…> в ст. Сусатов Раздорской вол. (хутор Сусатский Раздорской станицы. – *В. К.*) из 400 голодающих вымерло 300» (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 7, л. 18 об.). Некоторые данные свидетельствуют о том, что представленные обобщения могут иметь погрешности по причине отсутствия своевременной передачи сведений о голодающих и умерших гражданах (детях и взрослых), в иных случаях сообщения вообще не поступали. Такие примеры имели место в станице Верхне-Кундрюченской, слободе Большая Орловская (измерения проводились в течение июня – декабря 1922 г.) (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 34, л. 17). Однако схожая ситуация наблюдалась и в других округах области.

Впрочем, отсутствие распределительной системы собранных пожертвований, ухудшающееся социально-экономическое положение и развивающиеся эпидемии вынудили жителей «Донской Области» приступить к миграции внутри региона в поисках лучшего состояния, а некоторые из них осуществили переселение в «Ташкент и Америку» (Шадрина, Табунщикова, 2013, с. 164). При этом практика перемещения местного голодающего населения не получила массового характера. Известно, что из Малой Мартыновской слободы отправились за спасением 408 чел., но в проанализированных документах направление их миграции не установлено (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 7, л. 18 об.).

Особую позицию в реализации помощи голодающим заняли Американская администрация помощи, Итальянский Красный крест и Папская миссия в донском регионе. Напомним, что механизм иностранной помощи декларировался Рижским договором от 20 августа 1921 г. (Патенод, 2024, с. 861-865). Несколько ранее небольшой группой АРА была осуществлена разведывательная цель по установлению фактического положения в Поволжье. На первоначальном этапе члены миссии оказались в Петрограде и Москве, где фиксировали, что на улицах немало беспризорных детей, их неудовлетворительный внешний вид, а санитарное состояние городской среды оставляло желать лучшего, но все же положение не было столь плачевным. Вскоре делегаты направились в эпицентр голода (Казань, Самару, Саратов) и увидели совершенно иную картину: сотни беженцев, расположенных при вокзалах (и недалеко от них), нуждающихся в медикаментах, продуктах и одежде. В сельской же местности они столкнулись с сотнями опухших от голода детей и взрослых, и неисчисляемым количеством умерших. Вскоре после достигнутого соглашения о помощи по морским и железнодорожным путям стали направляться грузы с питанием, медикаментами и оборудованием (Савицкая, Сатарова, 2017, с. 172).

Один из таких маршрутов проходил через Ростовский порт с выгрузкой и распределением (позднее на склады зарубежной миссии) на железнодорожный путь в Царицын. При этом характер отношений между ростовскими чиновниками и членами АРА был в достаточной степени напряженным. В частности, Джеймс Ходсон в сообщениях к руководству американской миссии писал о длительной задержке выплат персоналу миссии, на что члены Ростовского совета без какого-либо сожаления отвечали: «…если эти люди смогли обеспечить себя в течение такого периода времени без государственной помощи, значит, они в ней не нуждаются» (Патенод, 2024, с. 237).

Деятельность иностранных организаций на Дону прослеживается не ранее июля 1922 г. Вместе с тем 1 сентября по телеграмме был передан мандат, согласно которому их миссия в границах Юга-Востока России заключалась «в оказании помощи детям, а также взрослому населению, продовольствием, снабжении лечебными средствами, обувью и платьем» (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 9, л. 2). Взаимосвязь между региональной

советской властью и иностранными организациями осуществлялась через Комиссию Донпомгол, преобразованную (27 сентября) в Комиссию по устранению последствий голода (Донпоследгол).

Вскоре перед новообразованным региональным институтом, координирующим теперь устранение последствий голода в регионе, были поставлены *новые* организационные задачи. Например, объединение всех советских и профсоюзных органов по борьбе с голодом; проведение сборов пожертвований и отчислений с зарплаты на нужды в Последгол (с наиболее благополучных районов); оказание помощи инвалидам, «беспризорным детям и нуждающимся рабочим», а также содействие в восстановлении разрушенных хозяйств (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 6, л. 9). Мы видим, что подобная стратегия действий предпринималась и ранее, однако не была консолидирована. Кроме того, по-прежнему не исключалась деятельность по распределению беспризорников и нищих в общежития для голодающих, для них организовывались рабочие места (мастерские, артели).

К концу 1922 г. деятельность иностранных организаций в оказании помощи в результате достигла 3500 «безпризорных детей и 1000 человек взрослых, находящихся в наших общежитиях» (имеются в виду корпуса, находящиеся в ведении Донпоследгола) (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 9, л. 2). Любопытно, но масштаб работы Помгола суммарно уступает иностранной миссии, хотя и незначительно (4500 к 3769 ед.). При этом в городке беженцев («бежгородок») получали помощь 2124 человека (в пределах г. Ростова-на-Дону), а в округах (Верхне-Донском, Первом Донском, Сальском, Черкасском) помощь оказывалась всего лишь для 1645 человек (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 9, л. 2). Деятельность зарубежной миссии продолжалась вплоть до осени 1923 г.

Нельзя не отметить, что в городках для беженцев предпринимались меры не только по улучшению условий пребывания пострадавших (в т. ч. беспризорников и нищих), но и ставилась задача организации кабинетов для проведения учебных занятий (школы), однако эти мероприятия не имели положительного исхода (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 7, л. 11). К этому моменту, по-прежнему не была решена проблема с помещениями, они попросту были переполнены страждущими. Не менее бедственным оставалось положение переселенцев: в Ростове у детей отсутствовало нательное белье и верхняя одежда (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 8, л. 11). По данному случаю региональная власть в лице «Деткомиссии» обязалась оснастить их одеждой, постельным бельем, медикаментами и продуктами (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 7, л. 16).

Вскоре вышеуказанный комплекс проблем заставит региональное руководство приложить все усилия к выделению общежития на 500 человек в г. Новочеркасске (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 7, л. 12), в результате чего в декабре в него будет направлено 600 человек (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 7, л. 39). Остальная же часть пострадавшего населения будет направлена «на родину и в Баку» (ГАРО, ф. р-1772, оп. 1, д. 7, л. 48).

Заключение

Таким образом, в отечественной историографии сложилось несколько тенденций в изучении проблемы голода Поволжья в 1921-1922 гг. Они широко представлены на примере приволжских территорий, донской же регион находится на периферии исследовательского внимания. Исключением следует считать упоминания об охвате региона голодом, стратегиях выживания и связующем транспортном узле Ростов – Царицын в ходе предоставления помощи пострадавшим иностранными организациями. Привлечение новых источников по теме позволяет существенно разнообразить представление о деятельности региональных властей и иностранных организаций на Дону в указанный период. С середины 1921 г. до начала 1922 г. Донская комиссия помощи голодающим оформляла основной план деятельности по преодолению голода, в который включалась агитационно-пропагандистская работа (периодическая печать, плакаты, листовки) и сбор пожертвований в денежном, вещевом и продуктовом виде. В это же время взаимосвязь комиссий Помгола в Донской, Кубано-Черноморской области и Горской республики (Юго-Восток России) отражает становление централизованной системы распределения финансовой помощи и натурального обмена, при этом каждый из регионов Юго-Востока России вырабатывал самостоятельный путь решения проблем.

Второй этап с весны по зиму 1922 г. характеризуется постепенной стабилизацией системы сборов пожертвований в донском регионе, однако конкретного применения (весной – летом) поступивших в финотдел Донпомгола средств на разрешение проблем из числа наиболее пострадавшего населения (станиц и хуторов Первого Донского округа) не было проведено; вероятнее всего, средства были направлены в ЦК Помгол, но так и не вернулись. В этот же период ситуация осложнялась вследствие неблагоприятных погодных условий, эпидемий, значительного сокращения площадей для посева, отсутствия действенной помощи особо пострадавшим жителям, что стало причиной гибели нескольких десятков тысяч людей и скотины в сельской местности по левобережью и правобережью Дона.

Существенной проблемой для городской местности региона являлась проблема неисчисляемого количества беженцев и беспризорных детей из пострадавших губерний, для которых были созданы «бежгородки» в Ростове-на-Дону и Новочеркасске, предпринимались даже попытки по введению в них учебных занятий и культурной деятельности, однако численность располагающихся в них голодающих не позволила реализовать намеченные планы. Недостаточно решенным оставался вопрос в оснащении их одеждой и медикаментами. С лета 1922 г. до зимы 1922 г. на Дону постепенно начинают разворачивать свою деятельность иностранные организации (Американская администрация помощи, Папская миссия и Итальянский красный крест), основная функция которых заключалась в медикаментозной помощи, организации столовых и питания в них. Можно с уверенностью констатировать, что проводимые международной миссией мероприятия превосходили по количественным показателям, а также по систематичности действия региональных властей.

Перспективы исследования заключаются в расширении базы источников по теме, которые позволят подтвердить предложенную в данной публикации периодизацию, определить механизм взаимосвязи и взаимодействия краевых и региональных комиссий Помощи голодающим на Юго-Востоке России и проанализировать параметры отношений и их результаты между советскими региональными властями и иностранными организациями в 1923 г.

Материалы исследования | Research materials

1. ГАРО – Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-1772. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАРО. Ф. Р-1772. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАРО. Ф. Р-1772. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАРО. Ф. Р-1772. Оп. 1. Д. 4.
5. ГАРО. Ф. Р-1772. Оп. 1. Д. 5.
6. ГАРО. Ф. Р-1772. Оп. 1. Д. 6.
7. ГАРО. Ф. Р-1772. Оп. 1. Д. 7.
8. ГАРО. Ф. Р-1772. Оп. 1. Д. 8
9. ГАРО. Ф. Р-1772. Оп. 1. Д. 9.
10. ГАРО. Ф. Р-1772. Оп. 1. Д. 34.

Источники | References

1. Антонов-Овсеенко В. А. Спешите на помощь умирающим от голода! М.: Главполитпросвет, 1922.
2. Аншакова Ю. Ю. «Увиденное мною в Самаре я не забуду никогда»: голод начала 1920-х годов и помощь голодающим в Самарской губернии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. № 3 (14).
3. Белокопытов В. Лихолетье: из истории борьбы с голодом в Поволжье, 1921-1922 гг. Казань, 1976.
4. Виноградов С. В. Голод 1921 года в Поволжье: причины, масштабы, последствия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 3.
5. Горев М. Голод и церковные ценности. М.: Высший военный редакторский совет, 1922.
6. Городничий Н. Ф. Малоизвестная страница деятельности АРА в Советской России // Вопросы истории. 1968. № 12.
7. Донские казаки в СССР / отв. ред. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во Южный научный центр Российской академии наук, 2022.
8. Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле. Союз Семей военнослужащих России, 2012.
9. Зима В. Ф. Голод 1921-1922 годов в Советской России: власть и церковь. М.: Институт российской истории РАН, 2015.
10. Зиман Л. Я. Экономическое положение СССР и неурожай: популярно-экономический очерк. М.: Центральное товарищество «Кооперативное издательство», 1925.
11. Зорин Д. Князья церкви и голод: Революция и церковь. Ростов н/Д: Донполитпросвет, 1922.
12. Кандидов Б. П. Голод 1921 года и церковь. М. – Л.: Объединение государственных издательств – Московский рабочий, 1932.
13. Клейтман А. Л. Административно-территориальное устройство Юга России по проекту Юго-Восточной областной плановой комиссии начала 1920-х гг. // Научная мысль Кавказа. 2016. № 2 (86).
14. Коган А. Антисоветские действия Американской администрации помощи (АРА) в Советской России в 1921-1922 гг. // Отечественные записки. 1949. № 29.
15. Козлов Ф. Н. Голод 1921-1922 годов в Чувашском и Марийском краях в контексте государственно-церковных отношений // PolitBook. 2012. № 2.
16. Кондрашин В. В. К 100-летию трагедии: голод 1921-1922 гг.: причины, масштабы, помощь голодающим // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Архангельск, 2021. Вып. 4-5: Гражданская война в России: история и современность, память и уроки.
17. Кондрашин В. В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. М.: Политическая энциклопедия, 2024.
18. Корсаков И. Голод в Советской России и его причины. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1922.
19. Патенод Б. Большое шоу в стране большевиков: деятельность Американской администрации помощи в Советской России во время голода 1921 года / пер. с англ. О. В. Чумиевой; науч. ред. И. И. Курилла. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024.
20. Петров И. В. Кампания по изъятию церковных ценностей и судебные процессы против православного духовенства в 1922 г. как часть завершающего этапа Гражданской войны в России // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 1 (13).

21. Погромский В. А. Деятельность Американской администрации помощи в Царицынской губернии и прилегающих территориях в период голода 1921-1923 гг. // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2016. № 1 (5).
22. Поляков В. А. Голод первой половины 1920-х годов в советской историографической традиции // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2009a. № 17.
23. Поляков В. А. Первый советский голод: на материалах Поволжья, 1919-1925 гг.: в 2 т. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2019. Т. 1: На пути к голоду, 1919 – весна 1921 г.
24. Поляков Ю. 1921-1922: победа над голодом. М.: Политиздат, 1975.
25. Радек К. Голод в России и капиталистический мир. М.: 1-я Образцовая тип. МНСХ, 1921.
26. Репинецкий А. И., Циденков Г. Г. Демографическая ситуация в Самарской губернии в период голода 1921-1923 годов // Народонаселение. 2025. Т. 28. № 3.
27. Рубинштейн Н. Борьба Советской России с голодом 1921 г. и капиталистические страны // Исторические записки. 1947. № 22.
28. Савицкая О. Н., Сатарова А. П. Голод 1921-1923 гг. в Хоперском и Усть-Медведицком округах Царицынской губернии и Американская администрация помощи (АРА) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 8 (82).
29. Сатарова А. П. Борьба с голодом 1921-1922 гг. в округах Верхнего Дона (на примере Хоперского и Усть-Медведицкого округов Царицынской губернии) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 1 (124).
30. Сорокин А. К. История одного правления. Сталин в 1917-1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2024. Кн. 1: «Мы наш, мы новый мир построим...» 1917-1939.
31. Усманов Н. В. В. И. Ленин и Американская администрация помощи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020a. № 1 (838).
32. Усманов Н. В. Руководители Советского Татарстана начала 1920-х гг. и Американская администрация помощи // Эхо веков. 2020b. № 2.
33. Федотова А. «Мы с переселением ужасно провалились» (Эвакуация как один из видов голодающих ТАССР в 1921-1923 гг.) // Эхо веков. 2016. № 3-4.
34. Хенкин Е. Очерки истории борьбы Советского государства с голодом. Красноярск, 1988.
35. Циденков Г. Г. Гуманитарная помощь Красного Креста и других общественных организаций Нидерландов Советской России во время голода 1921-1923 гг. // Вестник МГИМО Университета. 2023a. Т. 16. № 1.
36. Циденков Г. Г. Проблемы и опасности эвакуации детей из Поволжья во время голода 1921-1923 гг. на примере рапортов и воспоминаний сопровождающих лиц // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы Международной научной конференции: в 2 т. (г. Санкт-Петербург, 06-08 апреля 2023 г.). СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023b. Т. 1.
37. Циденков Г. Г. Эвакуация населения местными органами Центрэвака из голодающих губерний в 1921-1923 годах // Самарский научный вестник. 2023c. Т. 12. № 4.
38. Шадрина А. В., Табунщикова Л. В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год. Ростов н/Д: Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, 2013.
39. Шкаровский М. В. Кампания по изъятию церковных ценностей в Петроградской епархии // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2022. № 2 (13).
40. Krinko E. F., Skorik A. P., Shadrina A. V. The Don and Kuban Regions During Famine: The Authorities, the Cossacks, and the Church in the 1921-1922 and 1932-1933 // Nationalities Papers. 2020. Vol. 48.

Информация об авторах | Author information

RU **Кальниченко Владислав Николаевич**[1]
[1] Раздорский этнографический музей-заповедник

EN **Vladislav Nikolaevich Kalnichenko**[1]
[1] Razdorsky Ethnographic Museum-Reserve

[1] *kalnichenko_97@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 03.06.2026; опубликовано online (published online): 30.07.2026.

Ключевые слова (keywords): голод на Дону в 1921-1922 гг; Донпомгол; Донпоследгол; Юго-Восток Росии; иностранная миссия помощи голодающим; famine in the Don region in 1921–1922; Donpomgol; Donposledgol; South-East of Russia; foreign famine relief mission.